
ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Курбачёва О. В.*

В статье осуществляется социально-философский анализ особенностей и стадий протекания этнокультурного конфликта на современном этапе развития. Обнаруживается этнический парадокс: одновременные процессы этноренессанса и процессы транскюльтурации с формированием открытого глобального межкультурного пространства диалога. Анализируется специфика межэтнического взаимодействия и выявляются отличия этноконфликта как особого вида социального типа конфликтов от других видов. Рассмотрены основные причины этноконфликтов, специфика проявления этностереотипов, а также характерные черты осознанного противостояния этнокультурных групп. Акцентированно проанализирована стадия развёртывания этнического противоборства как период «конфликта стереотипов» и «конфликта идей». Обозначены основные векторы действий и потенциальная возможность нейтрализации этнокультурной напряженности.

Ключевые слова: глобализация, конфликт, этноконфликт, культура, диалог культур, этнос, этнокультурная идентичность, миграция, этностереотипы, этнофобия, конфликт идей.

This article is a socio-philosophical analysis of the peculiarities and stages of ethno-cultural conflict at the present stage of development. The author detects the ethnic paradox: the simultaneous processes of ethnorenaissance and processes of transculturation with the formation of an open global intercultural space of dialogue. The specificity of interethnic interaction is analyzed. The author also reveals distinctions of ethnoconflicts as a special type of social conflicts between other types. The main causes of ethnoconflicts, the specific manifestations of ethnic stereotypes, as well as characteristic features of conscious confrontation of ethno-cultural groups are considered in the article. The author analyzes the stage of development of ethnic confrontation as a period of 'conflict of stereotypes' and 'conflict of ideas'. The main directions of action and the measures to neutralize the ethno-cultural tensions are given in this article

Keywords: globalization, conflict, ethnoconflict, culture, dialogue of cultures, ethnos, ethnocultural identity, migration, ethnostereotypes, ethnophobia, conflict of ideas.

Современная социокультурная ситуация характеризуется интенсификацией миграционного процесса, актуализацией вопросов этнокультурного самоопределения и нарастанием тенденций к сепаратизму. Взаимодействие различных культур, вступивших в непосредственный и продолжительный контакт, становится непосредственным основанием для более детального и предметного исследования

---

* Курбачёва Ольга Владиславовна – к. ф. н., доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: kurbach.ova@gmail.com.

проблем и особенностей этнокультурного диалога. А в условиях становления транскультурной модели социокультурной и цивилизационной динамики, нарастающей глобальной нестабильности наиболее остро поднимается вопрос о перспективах этнокультурного взаимодействия и преодоления возможных этнокультурных конфликтов.

Действительно, сегодня наблюдается реальный процесс эскалации этнокультурной напряженности. Этнические противоречия в условиях глобализации и интенсивного процесса аккультурации становятся катализатором конфликтогенной ситуации. При этом следует отметить, что этнокультурная напряженность может проявляться не только в открытой форме столкновения, но и в скрытой: на уровне социокультурной конкуренции, негативного оценочного сравнения и т. д. Ведь латентные и не всегда осознанные причины (например, пережитая «историческая несправедливость», низкая статусность этнической группы и другие) могут послужить основанием для осознания или иррациональной интенцией к этническому конфликту.

Следует отметить, что ситуация этнической напряженности свойственна не только для начала XXI в. – в период форсированного миграционного взаимодействия. Однако глобализационные процессы, отразившиеся в том числе в военно-политических столкновениях, геополитических трансформациях, миграции и социально-экономических изменениях, оказали существенное влияние на обострение вопросов этнокультурной идентичности и межкультурного диалога именно в последние 15–20 лет. По статистическим данным Организации Объединенных Наций 2015 г., число мигрантов за последние 15 лет увеличилось на 41 % и составляет около 244 млн человек; здесь следует принять во внимание, что в этих цифрах не учтено большое количество незарегистрированных беженцев [Aleshkovski 2016]. Сегодня число мигрантов превышает естественный прирост населения. А если учесть, что количество нелегальных мигрантов перманентно увеличивается в геометрической прогрессии и оказывает колоссальное влияние на социально-экономические и политические процессы развития, то станет очевидным, что мы стоим на пороге формирования нового формата взаимодействия и глобальных вызовов [Алешковский 2014: 130]. Сама встреча различных культур является абсолютно неизбежной, даже с учетом того, что может быть выбрана такая стратегия аккультурации, как условный сепаратизм, в соответствии с которым мигранты как представители этнического меньшинства не интегрируются в культуру большинства и символически, а зачастую и реально отгораживаются от нее.

Идеалы политики мультикультурализма, предполагающей возможность параллельного сосуществования различных культур, были убедительно развенчаны представителями как научной, так и общественной мысли. Данный политический конструкт не смог себя полностью реализовать, и идея мультикультурализма с идеалами толерантности, взаимообогащения и признания, стремлением параллельного сосуществования культур на практике встретила с реальными проблемами в виде межкультурных и межэтнических столкновений. Причиной несостоятельности и излишней идеализированности политики мультикультурализма в большинстве случаев выступил именно неконтролируемый миграционный поток, ставший основанием повышенного уровня сепарации и сегрегации, низкого уровня психологической и социально-экономической адаптации представителей культуры мигрантов, нарастания межкультурной напряженности и конфликтов на

почве религиозной и этнокультурной идентичности. Поэтому сегодня перед учеными стоит сложная, но очень важная задача: не просто проанализировать особенности этнокультурного взаимодействия на современном этапе глобализации, но и выявить глубинные причины и закономерности развертывания этого взаимодействия, а также предложить потенциальные векторы развития этнокультурного диалога. Действительно, роль ученого в этом вопросе достаточно важна: способность смоделировать концептуально-объяснительную модель событий позволит спрогнозировать возможные кризисные ситуации и управлять ими в дальнейшем.

В силу актуальности исследований, сложности и многогранности проблемы этнокультурного конфликта в данной статье предполагается осуществить социально-философское исследование этнокультурного конфликта как феномена, раскрыв основные причины, типы и уровни проявления конфликтов между этнокультурными общностями.

Безусловно, этноконфликт как один из типов социального противостояния обладает инвариантными характерными признаками: биполярность, активная форма проявления, наличие субъектов и причины противодействия. Вместе с тем этнокультурный конфликт представляет собой особую форму противоборства и содержит специфические черты проявления. Сфера межэтнических отношений чрезвычайно сложна и может включать в себя более двух субъектов (этнических групп) взаимодействия, каждый из которых отличается по различным признакам – конфессиональной, культурной, национальной идентичности. Акцентируя внимание на особенностях проявления и разрешения именно этнокультурного конфликта, важно учитывать, что невозможно абстрагироваться и провести четкую линию демаркации от конфессиональных и национальных факторов воздействия на эскалацию этнокультурной напряженности. В данном ключе корректнее говорить о различных сферах проявления этнического конфликта: этнотерриториальной, этноэкономической, этнополитической, этносоциальной, этнорелигиозной, этнодемографической и этномиграционной [Гуськов и др. 2013]. Каждая из обозначенных сфер актуализирована рядом особых причин: изменением соотношения численности коренного населения и мигрантов; ограниченностью ресурсной базы или монополизацией какого-либо вида экономической деятельности одним этносом; угрозой сформированной или принудительной ассимиляции и т. д. Тем не менее важно отметить, что в какой бы сфере конфликт ни проявлялся, в нем всегда обнаруживаются несколько контекстов и пересечение различных факторов. Более того, этнокультурный конфликт всегда исторически обусловлен и оказывает существенное влияние на этнопсихологию общности: укореняются представления об исторической несправедливости, уязвленности, осознание статуса собственной группы. А так как сегодня межэтническое противостояние способно стать источником глобального конфликта, постепенно вовлекая в зону риска интересы других субъектов и расширяя символические и реальные границы противостояния, важно выявить и проанализировать особенности протекания и причины межэтнических конфликтов.

В первую очередь следует отметить, что проблематика этнокультурных конфликтов не является до конца проработанной. Несмотря на весьма репрезентативную теоретическую базу исследований конфликта как такового, обнаруживается нехватка концептуально-теоретических работ и исследований, опирающихся на современную эмпирическую базу этноконфликтных действий. Среди русскоязыч-

ных авторов, изучающих проблему социального этнокультурного конфликта, можно выделить А. Г. Здравомыслова, Ю. Г. Запрудского, Е. И. Степанова, Н. В. Гришину и др. Среди англоязычных исследователей можно выделить такие имена, как Р. Дарендорф, Дж. Бернард, Р. Бейли, Дж. Льюк, Л. Козер, Р. Макк и др. Детально и предметно проанализированы феномен социального конфликта, его типология и классификация. Вместе с тем исследования непосредственно этнокультурного конфликта зачастую носят обзорно-аналитический характер, поэтому обнаруживается недостаточность именно философско-методологических работ, посвященных природе и особенностям непосредственно этнокультурных конфликтов, выявляющих глубинные причины конфликтов, специфику их проявления и возможности преодоления.

Для исследований особенностей этноконфликта следует очертить терминологические границы самого понятия. Апеллируя к дефиниции А. Г. Здравомыслова, одного из главных теоретиков социологии конфликта, можно привести понимание конфликта как важнейшей стороны взаимодействия людей в обществе, своего рода клеточки социального бытия. «Это форма отношения между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями» [Здравомыслов 1996]. Содержание понятия конфликта (от латинского *conflictus* – столкновение) проявляется через такую интерпретацию, как столкновение противоположностей или интересов, состояние дисгармонии, открытая борьба, взаимоисключающие интенции и т. д. При этом важно отметить, что конфликт между культурами и типами этнокультур предполагает не конфликт между определенными субъектами взаимодействия, а скорее символическое поле противостояния и отсутствие конкретного носителя. Хотя при апелляции к данной дефиниции автором (А. Г. Здравомысловым) не уточняется природа противостояния (причина конфликта объективная, «извне», или же она внутренняя, субъективная, основанная на личностном понимании и неприятии), тем не менее акцентируются сам факт противодействия субъектов, их биполярность, являющаяся центральным ядром конфликтных отношений, инвариантной характеристикой любого социального конфликта. Вместе с тем социальная противоположность не является абсолютной отсылкой к непосредственно конфликту. Для этого необходимо не просто биполярное противопоставление, но именно «активное взаимодействие сторон, направленное на преодоление разделяющего их противоречия» [Гришина 2015]. Активное и осознанное противостояние является основанием для классификации межэтнических отношений как конфликтных. Однако при анализе формальной теоретической схемы этноконфликта важно всегда учитывать социокультурный контекст межэтнического взаимодействия.

Так, например, важно учесть, что сегодня, в период возрастания транскультурных взаимодействий и открытого глобализационного пространства, одновременно актуализируются стремление к этноренессансу и возрастание уровня этноцентризма. Это ситуация этнокультурного парадокса, в рамках которого обнаруживается возрождение интереса к этническому и приобщение к глобальному. При этом этноренессанс может проявляться в разной степени – от попыток реанимирования обычаев и традиций, популяризации национального языка, идеализации этнонациональных героев до восстановления или построения государственных границ. Диалектический характер данного явления объясняется тем, что, с одной

стороны, этнические группы преимущественно не являются закрытыми, а перманентно вступают в диалог с другими этносами. Сегодня наступила эпоха «кофигуративных культур» (М. Мид), в соответствии с которой многие элементы традиционной культуры размываются и интернализируются [Мид 1988]. Но, с другой стороны, одновременно активизируется защитная реакция – сформировать «мы-образ», свою этническую отличительность: сохраняются и актуализируются локальные ценностные представления и метаэлементы культуры: миф об общем происхождении, религия, язык и т. д. И если границы группового членства в этнической группе всегда подвижны, то когнитивное, психоэмоциональное и поведенческое ядро идентичности достаточно устойчивое, чтобы было возможно провести линию «мы – они». При этом важно учитывать, что сегодня насчитывается свыше двух тысяч этносов, которые отличаются культурными, мировоззренческими, психоэмоциональными особенностями. 90 % населения Земли – это представители только лишь 267 этносов, численность которых более миллиона человек. А с учетом того, что и большие, и малые по численности этносы находятся в открытом взаимодействии, можно сделать предположение о возможном несовпадении, различии интересов и притязаний разных этнических общностей [Лучшева 2015: 207]. Поэтому следует учитывать не только психоэмоциональное обоснование этноренессанса, но также и внешние факторы, инициирующие повышенный интерес к этнокультурной идентичности. В качестве таких внешних факторов выступают экономические и политические аспекты жизни этнокультурных групп. Неравенство правового статуса в составе полиэтнического государства, различия уровня экономического развития и владения материальными ценностями могут послужить основанием для реабилитации этноса и его исторических прав.

Так, результатом межэтнического взаимодействия, особенно в условиях открытого глобального пространства, может стать этнокультурный конфликт. Причины конфликтной ситуации могут быть различными. При этом необходимо учитывать, что каждое из обстоятельств оказывает существенное влияние на масштаб, продолжительность и степень напряженности противостояния. Важно не только выявить, но и проанализировать специфику влияния этих причин на возникновение, обострение и особенности протекания этноконфликтной ситуации. Каковы же причины межэтнических конфликтов? Как уже было отмечено ранее, этноконфликт представляет собой пересечение множества факторов и целого ряда внешних – объективных и субъективных – причин, определяющих особенности протекания и возможности урегулирования конфликта. Вместе с тем важно обозначить основные потенциальные обстоятельства, которые могут сыграть роль катализатора конфликтной ситуации. Непосредственными внешними основаниями противостояния могут послужить территориальные, экономические, религиозные, политические, социокультурные и другие противоречия. Однако степень сложности, интенсивность и продолжительность во многом зависят именно от субъективных факторов – от степени психоэмоционального переживания конфликта, идеологических убеждений, уровня внутренней сплоченности, наличия позитивных или негативных элементов идентичности самой этнической группой.

Одной из самых сложных и распространенных причин этнических споров и конфликтов является этнотерриториальный фактор. В основе его лежит идея перераспределения территории и право на ее принадлежность тому или иному этно-

су. В силу того, что современные государства полиэтничны, а геополитические и миграционные процессы являются неотъемлемой частью развития современного мира, территориальные споры представляют собой достаточно распространенную проблему. Борьба за территорию основывается на том, что каждый из этносов, проживающий на той или иной территории, претендует на официальное (институциональное) владение ею или отторжение части территории других государств. Каждая из этнических групп обосновывает свое историческое право на ту или иную территорию: исторические аргументы и свидетельства основываются на том, что в какой-то период времени в прошлом или настоящем здесь проживала этническая группа и это выступает неопровержимым доказательством ее прав на владение данной территорией. Достаточно субъективные основания могут послужить интенцией для этнической общности к конфликтным действиям, направленным на борьбу за свою территорию. Среди наиболее частых проявлений этнотерриториальных споров и конфликтов выступает стремление к созданию независимого территориально-государственного института, особенно если в прошлом этнос уже обладал государственной независимостью и лишился этого статуса. Среди примеров этнотерриториальных конфликтов можно привести армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе или грузино-абхазский конфликт в Абхазии. Улучшение (или явное ухудшение качества и уровня жизни в составе другого государства) хозяйственно-экономического развития, высокий уровень этносоциализации, количественное доминирование титульного этноса и апелляция к историческим аргументам о независимости могут выступить основаниями для борьбы за автономное территориально-государственное образование. И тогда этнотерриториальные причины конфликта дополняются этнополитическими [Тавадов 2002]. Особенно остро проблемы этнотерриториальных и этнополитических споров и претензий проявились в период распада СССР. Однако правомерно отметить, что этнические и территориальные претензии имелись и в период самого существования Советского Союза, однако конфликты чаще всего подавлялись и проявлялись лишь в латентной форме. Это, в свою очередь, сыграло негативную роль, так как после распада СССР накопленные претензии явились детонатором конфликтных действий.

Следует обозначить, что территориальный фактор как причина межэтнических конфликтов может стать основанием не только для этнополитических споров, но и для этноэкономических разногласий. Природные ресурсы и собственность на определенной территории становятся веской причиной для обоснования исторических прав на данную территорию. Среди других проявлений этноэкономических разногласий – ущемление экономических или хозяйственных прав одного из этносов в многонациональном государстве, ухудшение экологической безопасности на определенной территории, неравномерное развитие этнонациональной периферии в полиэтничном государстве и т. д. [Там же]. Эти примеры тесно связаны со следующим блоком причин этноконфликтных ситуаций. Условно его можно обозначить как социальную напряженность или социальные причины как предпосылки возникновения межэтнического противостояния. Среди явных катализаторов такой напряженности можно выделить такие, как этносоциальная неоднородность в полиэтничном государстве, неравномерные этнодемографические показатели, проблема безработицы или низкооплачиваемого труда

для определенной этнической группы, различное для этносов представительство в профессиях, этномиграционный фактор.

Особую роль в эскалации межэтнической напряженности играют духовно-мировоззренческие причины. К этой группе мы можем отнести следующие причины напряженности: этноязыковые, культурные, исторические и конфессиональные. Они весьма значимы, так как затрагивают глубинный пласт духовной культуры, общественное сознание и оказывают непосредственное влияние на субъективные (внутренние) факторы возникновения межэтнических конфликтов. Принципиальные отличия, неприятие другой культуры или конфессии чаще всего на повседневном уровне проявляются в скрытой (латентной) форме и обнаруживаются через этностереотипы, негативную (осуждающую) психоэмоциональную оценку другой культуры. Вместе с тем этнокультурные разногласия могут проявляться и на уровне языкового, религиозного шовинизма, что выступает причиной этнокультурной напряженности и может стать явным фактором эскалации этноконфликта. Другой причиной может стать форсированная и насильственная ассимиляция. И чем больше культурная дистанция между этническими общностями, тем более сильное отторжение и сопротивление доминирующей культуре. Принудительная ассимиляция представляет собой реальную угрозу разрушения или изменения для другой культуры. Поэтому чаще всего в рамках защитной реакции этноса, с одной стороны, усиливается чувство этнической сплоченности, повышается уровень этноцентризма, а с другой – формируется интолерантное отношение к другим. Безусловно, ассимиляция может быть позитивной и основываться не на принципах этнокультурного исчерпания другой культуры, а на ее обогащении. Однако для такого типа этнокультурной аккультурации, когда осуществляется полноправное обогащение двух взаимодействующих культур, необходим достаточно высокий уровень и этнической идентичности, и этнической толерантности у обоих участников взаимодействия. Признание культурной инаковости и уважительное отношение к другой культуре в первую очередь свидетельствуют о здоровом психологическом уровне собственной культуры, не оценивающей других с позиции шовинизма. Именно признание разнообразия культурных ценностей является залогом адекватного равноправного диалога. Вместе с тем важно отметить, что каждая этническая общность имеет свои исторические особенности развития, которые накладывают отпечаток на духовные ценности, мировоззренческие представления, эмоциональное восприятие своей культуры и других общностей. Ведь пережитая «историческая несправедливость», наличие исторических «претензий» к другим культурам являются внутренним эмоциональным основанием для конфликтных действий с целью компенсировать свою обиду. Чаще всего объективные, внешние причины конфликтов подкрепляются внутренними эмоциональными тонами, обосновывающими правомерность притязаний. Более того, несовместимость интересов с другими культурами, акцентирование на внутренних локальных нерешенных вопросах в определенный момент могут стать инструментом политической элиты для управления этнической общностью в достижении вопросов власти, территориальных, политических или экономических претензий.

Следующим важным шагом в исследовании этнокультурного конфликта будет анализ стадий развертывания этноконфликта как такового. Апеллируя к теориям современных конфликтологов, можно говорить о таких его важнейших эта-

пах, как латентная (предконфликтная) стадия, стадия осознанного соперничества, стадия эскалации (стадия конфликтных действий) / кризисная стадия и стадия разрешения конфликта (как потенциально завершающая) [Гришина 2015]. Стадию конфликтных действий, а соответственно и кризисную стадию, неразрывно связанную с ней и зачастую не выделяемую отдельно, проявляющуюся в реальной этнокультурной конфронтации, можно предотвратить или ослабить; адекватное и результативное достижение этого зависит от протекания, управления и разрешения конфликта еще на уровне латентной фазы или даже на этапе осознанного соперничества. Поэтому важно обратиться более предметно именно к начальным фазам возникновения этнокультурной напряженности.

На первичном этапе конфликта, когда еще нет явного противостояния и осознанной негативации образа Другого (этноса, нации, культуры), формируется так называемый конфликт стереотипов [Там же]. Эта фаза межэтнической напряженности является очень важной, так как осознание наличия конфликтной ситуации на данном этапе может позволить разрешить или преодолеть возможное последующее столкновение и перенаправить конфликтную ситуацию в конструктивное или нейтральное русло. Так, этнокультурный стереотип отражает обыденный усредненный уровень концептуализации культурной специфики той или иной этнической общности. Содержательно этностереотипы представляют собой коллективное устойчивое и эмоционально окрашенное представление одной этнической группы о другой и самой себе, в котором фиксируется оценочное суждение о моральных, умственных, психоэмоциональных, физических и других качествах [Стефаненко 2009]. В рамках стереотипизации происходит генерализация культурных ценностей и ассоциаций, аккумулятивное последствие последних в некий схематичный и упрощенный образ другой культуры. На индивидуальном уровне взаимодействия между представителями различных этносов стереотипное мышление чаще всего оказывает сильное влияние на взаимные ожидания и формирование ассоциативного контекста: определенной модели поведения, ожидаемого образа. Это наиболее часто проявляется на уровне аскриптивной (приписываемой) этнокультурной идентичности, ведущей к несовпадению видов идентичностей: как представитель этнической группы идентифицирует сам себя и какую идентичность ему приписывают исходя из внешних антропогенетических маркеров [Курбачёва 2016: 49]. Здесь следует отличать такие типы этнических стереотипов, как авто- и гетеростереотипы. Автостереотипы – это комплекс представлений этнической группы о собственной культуре. Важно отметить, что автостереотипы имеют под собой вполне объяснимую психологическую нагрузку – защитно-адаптивную функцию. Защита групповых интересов, формирование собственного облика на психоэмоциональном и социокультурном уровнях позволяют этнической группе подготовиться к встрече с другой культурой. При этом важно учитывать, что этническая группа может придерживаться как положительной, так и отрицательной формы оценивания собственной культуры. При положительной, высокой самокатегоризации у этнофора (носителя определенной этнической культуры) обнаруживаются чувство удовлетворенности своим членством в этнической общности, желание принадлежать к ней, гордость быть ее частью. В противном случае наблюдается наличие негативных социальных установок, чувства стыда или униженности, связанных со своей культурой. Это, в свою очередь, также может послужить основанием для возникновения этнокультурной напряженности – восстановить «историческую несправедливость», компенсировать обиды за счет дру-

гих, более слабых групп. Внешняя же этнокультурная стереотипизация зачастую носит именно негативно-ограничительную функцию: оценочным сравнением своей и чужой группы, с явным превалярованием в оценках в пользу своей культуры или неосознанным навязыванием негативного образа Другого, что может проявиться на уровне этнофобии.

Завершающим и своего рода переходным этапом от латентной стадии к фазе осознанного соперничества является этап конфликта идей, в рамках которого оформляются и осознаются притязания на значимость, инаковость и одновременно несовместимость ценностей, интересов и целей этнических групп. Это своего рода фрустрационная фаза межэтнической напряженности. Рост этнокультурной напряженности, безусловно, связан с вопросом осознанности отношений и действий. Этот этап отличается не тем, что рационализировано отношение к другому этносу, а тем, что сам факт неприятия, соперничества и напряженности в отношениях уже не скрыт, а принимается как данность. При этом наиболее распространенным показателем эскалации этноконфликта выступает дальнейшее сужение когнитивных элементов в отношении к другой группе и переход к примитивным способам отражения образа другого этноса, то есть усиление стереотипизации. Это может быть выражено в акцентированности негативных сторон, отождествлении с потенциальным и актуальным злом, недоверием или негативным ожиданием: все, что исходит от другого этноса, будет восприниматься как потенциальная угроза. Постепенно вытесняется адекватный образ другого и происходит его «деиндивидуализация»: всякий, кто принадлежит к другой группе, автоматически расценивается как потенциальный враг.

Среди других признаков эскалации напряженности можно отметить такие, как рост эмоциональной напряженности и переход от рациональных аргументов к личным претензиям, что приводит лишь к углублению противоречия и росту психоэмоциональной напряженности. По мере разрастания эскалации возможно как увеличение количественного состава противоборствующих сторон, так и переход к более глубинным, духовно-мировоззренческим основаниям неприятия Другого. Это одна из сложнейших стадий конфликта, для которой характерен минимальный уровень управляемости. Для данной фазы свойственны потеря изначального предмета разногласий и одновременно расширение границ самого конфликта. Это своего рода особый тип эскалации – «генерализация», в рамках которой увеличиваются потенциальные точки противопоставления, расширяется символическое поле конфликта. Эскалация может проходить и по сценарию «укрупнения» – увеличения численности противоборствующих сторон за счет привлечения на одну из конфликтующих сторон этнически или конфессионально близких народов [Стефаненко 2009]. Такой сценарий «горизонтальной эскалации» имеет достаточно серьезные последствия, так как потенциально может разрастись от локального до уровня межрегионального или глобального. А этнокультурные притязания переходят в форму межнациональных угроз и столкновений. Стадия осознанного соперничества и обостренной эмоциональной напряженности при наличии определенных мобилизующих внешних факторов достаточно быстро может перейти в стадию реальной эскалации и проявления конфликтных действий. Этап, на котором конфликтующие стороны прибегают уже к реальному насилию, – это критический этап, на котором управление и разрешение конфликта достаточно сложно достигаемы.

Обострение, сложности разрешения конфликтных ситуаций и наличие реальных жертв этнических конфликтов становятся абсолютно явной и важнейшей причиной необходимости преодоления и урегулирования этнокультурных конфликтов до стадии их эскалации. Один из важнейших способов нейтрализации конфронтации – это осознанность и легитимация конфликта. Когда он признается как реальная угроза социокультурной стабильности и нарушение прав и свобод человека, можно применить различные меры по предотвращению эскалации. Признание конфликтной ситуации позволяет обнаружить скрытые причины ее обострения, уйти от примитивизации в восприятии Другого и найти основания для компромисса, ослабления или этнокультурного консенсуса. Нейтрализация конфликтной напряженности между этносами является залогом их адекватных, мирных и взаимоуважительных отношений. Среди наиболее важных и своевременных шагов по предотвращению потенциальных или реальных силовых конфликтных действий можно выделить такие, как легитимация конфликта (официальное признание властными структурами ситуации этнокультурной напряженности); институционализация конфликта (выработка четких правил и норм, регламентирующих поведение конфликтующих сторон) [Гришина 2015]. Для обеспечения равенства сторон и гласности сложившейся ситуации современные конфликтологи призывают к необходимости введения института посредничества и информационного освещения сложившегося конфликта. Посредник (незаинтересованный этнос, страна, правительство) принимает на себя роль медиатора при организации переговоров и контроле соблюдения принятого регламента поведения. Гласность и открытость, в свою очередь, не позволят скрывать от общества потенциальную угрозу конфликта и дадут возможность увидеть ее с внешней стороны, рационализировать и осознать.

Важно отметить, что современные конфликтологи утверждают: сам конфликт представляет собой естественный элемент социального взаимодействия, важно уходить от однозначной интерпретации его деструктивного характера. Акцентируется внимание на допустимости протекания конфликта в конструктивном формате, с потенциальной и принципиальной возможностью управления конфликтными действиями. Так, по мнению Л. Козера, «социально контролируемый конфликт “очищает воздух” для его участников и позволяет продолжение их отношений» [Козер 2000]. Позитивная функция социального конфликта – именно в возможности разрядить накопившиеся противоречия и снять напряженность, однако речь здесь идет именно о той стадии конфликта, в которой возможно его контролировать и перенаправлять. Также отмечается позитивная роль конфликта для формирования и укрепления психоэмоционального чувства внутреннего единства, фиксации границ своей этнокультурной символической среды и отличия себя от другой группы. Так, конфликт может послужить своего рода катализатором внутригрупповой сплоченности и активизации интереса к собственной истории и культуре. Однако самое распространенное и наиболее часто встречаемое на уровне международных отношений проявление позитивной роли конфликта – это оценивание сил соперника и осмысление участниками конфликтной ситуации последствий применения этих сил. А соизмерение сил противоборствующих сторон дает возможность адекватно спрогнозировать дальнейший ход развертывания противостояния для всех субъектов. Эта особенность протекания конфликта выражена в так называемом «зиммелевском парадоксе»: «Наиболее эффектив-

ным средством предотвращения борьбы является точное знание сравнительной силы обеих сторон, которое очень часто может быть получено только в результате самого конфликта» [Козер 2000]. Результатом такого осознания последствий конфликтной ситуации являются наращивание военной мощи и демонстрация сопернику собственной силы и потенциальной возможности вступить в конфликт. Парадоксальность заключается в том, что наличие конфликта и осознание его последствий выступают сдерживающим механизмом самих конфликтных действий.

Однако для осуществления потенциальных управленческих действий в рамках конфликтогенной ситуации важно четко дифференцировать типы, причины и этапы конфликта. Этнический конфликт, являясь разновидностью социального конфликта, обладает его инвариантными характеристиками (наличие субъектов, биполярность, активная форма противостояния и т. д.), при этом отличается рядом особенных характерных черт: исторической обусловленностью, выходом на уровень национальных отношений, длительным влиянием на коллективную память и психологию этноса. Вместе с тем правомерно отметить, что, кроме деструктивной роли этноконфликта, можно говорить и о возможном конструктивном значении. Безусловно, степень обострения этнических взаимоотношений достаточно варьируемая: от общего недоверия и конструирования этнопсихологического портрета общего «врага» до реального применения насилия. Однако до того как конфликт выходит на уровень эскалации, когда возможны его нейтрализация и управление, внешняя угроза со стороны одной этнокультурной группы может способствовать повышению уровня адаптационных способностей для другой ее внутригрупповой идентичности и сплоченности. Но в силу масштабности, длительности и серьезности последствий межэтнических конфликтов их разрешение и управление сегодня являются одной из центральных задач как на правительственном, так и на межличностном уровне взаимодействия.

Литература

Алешковский И. А. Нелегальная миграция как феномен глобального мира // Век глобализации. 2014. № 2. С. 129–136.

Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб., 2015.

Гуськов А. Я., Алексеев С. В., Говядкин И. Е. Конфликтология: учеб. пособие для бакалавров. М., 2013.

Здравомыслов А. Г., Социология конфликта: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М., 1996.

Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000.

Курбачёва О. В. Социально-философский анализ формирования социокультурной идентичности у мигрантов // Философия и социальные науки. 2016. № 4. С. 48–53.

Лучшева Л. В. Современные концепты причин этнических конфликтов // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 206–209.

Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.

Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2009.

Тавадов Г. Т. Этнология. М., 2002.

Aleshkovski I. International Migration and Globalization: Global Trends and Perspectives // Journal of Globalization Studies. 2016. No. 2. Pp. 32–48.